

Сов. культура, 1979, 6 апр.

АРХИВ ОТКРЫВАЕТ ТАЙНУ

13 мая 1845 года в Париже, в помещении Итальянского театра, шел спектакль «Чаттертон» в исполнении артистов «Комеди Франсез». Во время антракта в одной из лож произошёл разговор между автором пьесы, знаменитым французским поэтом и писателем Альфредом де Виньи, и гостей из России А. И. Коссаковской, женой польского графа. С изумлением узнал Виньи, что, урожденная Лаваль, она приходится сестрой Е. И. Трубецкой, жене декабриста, последовавшей за своим мужем в Сибирь. Это имя было известно во Франции еще в 1826 году, когда член французской миссии в Петербурге Ансло опубликовал очерк «Шесть месяцев в России». В одной из глав своей книжки он писал о восстании 14 декабря, о судьбе его участников, о казни пятерых, о Трубецкой. Позднее появились другие свидетельства.

Подвиг княгини Е. Трубецкой и тех русских женщин, имена которых тогда еще не были известны во Франции, казался легендой. Не удивительно, что обычный светский разговор в ложе сразу изменил направление и характер. Рассказ Александры Ивановны о сестре произвел на Виньи огромное впечатление. Легенда обрела, так сказать, плоть и кровь, а сообщенные Коссаковской подробности по своей значительности и драматизму превосходили легенду. Вздвигнутый поэт той же ночью

начинает обдумывать поэтический замысел, а вскоре в его бумагах появляется набросок будущей поэмы с посвящением: «Г-же Коссаковской, сестре княгини Трубецкой».

Поэма, которую Виньи назвал «Ванда», подзаголовком «Из русской жизни» вышла гораздо позднее, в посмертном издании цикла поэм А. де Виньи «Судьбы», в 1863 году. Это был первый во Франции стихотворный отклик на восстание декабристов, и этот отклик является одним из шедевров французской поэзии. «Ванда» представляет собой не только рассказ о судьбе Трубецкой в поэтическом преломлении; это осмысление с исторической точки зрения восстания декабристов и последующих событий, раздумья об исторических судьбах народа.

Сегодня об этом ярком эпизоде из жизни А. де Виньи мы знаем значительно больше благодаря одной находке... В вильнюсском архиве была найдена неизвестная рукопись А. де Виньи. Обнаружила ее сотрудница ЦГИА Литовской ССР Е. Унтон. Это оказались письма к Коссаковской. 12 писем, насчитывающих 150 страниц!

Переписка длилась с 1846 по 1858 год с перерывом, связанным с Крымской войной. Таким образом, встреча в театре оказалась началом длительного знакомства. Вначале интерес Виньи к Коссаковской объяснялся главным образом его творческими замыслами. Вскоре, однако, чувство уважения, интерес и симпатия Виньи к Коссаковской выступили на первый план. Многолетняя пе-

реписка, которая, несмотря на разлуку, оставалась все такой же искренней и доверительной, свидетельствует о том впечатлении, которое Александр Иванович произвел на Виньи, и о том, что поэт нашел в ней интересную для себя собеседницу. Поэтому так широк охват тем и вопросов, затрагиваемых в письмах. Виньи знакомит Коссаковскую с событиями во Франции, посвящает ее в подробности своей борьбы во Французской академии, излагает свои политические и литературные взгляды, говорит о театре, спорит, убеждает. Все это делает письма ценным литературным источником. Обогащаются наши знания о творческой истории поэмы «Ванда». Оказывается, ее название взято из списка польских имен, который А. Коссаковская прислала Виньи по его просьбе.

Стало понятным, почему Виньи не только не издал поэму «Ванда», но и никому ее не показывал; одна мысль о том, что опубликование поэмы могло бы навлечь на Коссаковскую репрессии Николая I, приводила Виньи в ужас. Разумеется, об этом он говорит в письмах инноказательно. Стало также возможным уточнить время написания стихотворного послесловия к поэме в виде двух «писем Ванды»: это произошло, по-видимому, после нового свидания с Коссаковской в 1857 году.

Письма раскрывают новую для нас область интересов

Виньи: это русская тема. Сведения о русских связях Виньи его биографы располагали и раньше. Так, было известно, что Виньи посещал салон А. Сиркур, урожденной Хлюстиной, где бывали многие русские писатели, приезжавшие в Париж; есть воспоминания о чтении поэтом своей поэмы «Элоа» в музыкальном салоне Н. Курмакиной; сохранилось письмо Виньи к Э. Мещерскому, свидетельствующее о его интересе к русской истории, о стремлении облегчить для французского читателя и зрителя восприятие русской действительности; В. Балабин, русский дипломат в Париже, в своем дневнике посвящает теплые строки Виньи. Но в письмах к Коссаковской все нити, связывающие Виньи с Россией, можно проследить одновременно. При этом русские связи Виньи оказываются гораздо многочисленнее. Наряду с уже упомянутыми именами Виньи сообщает нам новые. Он знаком с поэтессой Е. Ростопчиной-Сушковой, интересуется ее произведениями; его симпатию и сочувствие вызывает «прекрасная русская дама» Е. Заведовская, воспитанная А. С. Пушкиным красавица; он называет своим старым другом П. Мейендорфа и т. д.

Однако, как ни интересны, как ни важны эти новые сведения, еще большее значение имеет постоянный интерес Виньи к России, широта его русских интересов, его добродушный взгляд, сочувствие жертвам николаевского деспотизма и выражаемое полунемецким чувством негодования к нему.

Высказывания Виньи о русской литературе значительны. Он не владел русским языком, но то, что он пишет А. Коссаковской, свидетельствует о

его осведомленности о русской литературной жизни, хотя не обо всех явлениях этой жизни он имеет верное представление, что связано с ограниченностью и некоторой однообразием информации в то время. Тем более удивительна прозорливость Виньи в его общении. Спрашивая А. Коссаковскую о Гоголе, он интересуется, верны ли натуре образы в его произведениях. Он пишет, что его «огорчает молчание русских поэтов после смерти Пушкина и Лермонтова», он призывает их следовать за Пушкиным, утверждая, что именно таким должен быть путь русской поэзии. Вряд ли можно найти такое понимание у кого-нибудь из западных литераторов в те годы.

Наконец, читателя поражает в письмах взгляд Виньи на исторические судьбы России. В бурную эпоху 40-х годов прошлого века Российская империя представлялась незыблемой. Виньи пишет об этом, сравнивая Россию со скалой среди бушующего моря, скалой, на которую вознесена статуя Петра I. Однако, рассказывая об обстановке во Франции 1848 года, Виньи предостерегает Россию социальные потрясения в отдаленном будущем, считая, что Россия учит исторический опыт и пойдет дальше: «Там, где мы наткнемся на природный столб и разобьем свою колесницу, вы свернете, избежав столкновения».

А. НИКОЛЬСКИЙ.